

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Х. Д. Курц¹

Грацкий университет имени Карла и Франца (Грац, Австрия)

УДК: 330.81, 330.82

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-11

АДАМ СМИТ О ПРОЦЕССЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ И СВЯЗАННЫХ С НИМ РИСКАХ

Настоящая статья исследует эволюционистский аспект творчества Адама Смита, а также его содержательные выводы касательно цивилизационного процесса и связанных с ним рисков. Первый раздел статьи представляет собой введение в проблематику, где осуществляется постановка исследовательских задач. Второй раздел содержит материалы, указывающие на знакомство Смита с ранними эволюционными концепциями, представленными в работах Леклерка. В третьем разделе представлен обзор ключевых «эволюционных» компонентов исследования процесса цивилизации, предпринятого Смитом. В четвертом разделе автор предлагает краткий обзор того, как понятия и принципы Смита отражаются в анализе Маркса и Шумпетера, на которых огромное влияние оказала эволюционная биология Дарвина. Все три автора стремились выявить силы, определяющие «цивилизационный процесс» или «законы движения» общества, а также связанные с этим процессом риски. Они старались понять, ведет ли такой процесс сам по себе к повышению жизненного уровня и сопутствующим «свободе, равенству и братству». И, наоборот, может ли он служить разрушению системы, неизбежно ввергая ее в постепенную деградацию. В своих исследованиях они пытались определить, могут ли непреднамеренные последствия эгоистичных человеческих действий вести к тирании и страданиям людей. Этому вопросу посвящен пятый раздел статьи, где подчеркивается, что цивилизационный процесс порождает изнутри тенденции, которые ставят под угрозу его продолжение и могут даже привести к регрессу и деградации. В таких случаях крайне необходима «мудрость государства», чтобы эффективно противодействовать таким тенденциям. В качестве примера, иллюстрирующего подобную необходимость, приводится политическая экономия войны Адама Смита. В заключение автор высказывает надежду на то, что Смит окажется прав, и на деле цивилизационным процессом движет задуманное природой стремление к счастью и совершенству вида.

Ключевые слова: циклическая и кумулятивная причинность, эволюционная экономика, процесс развития цивилизации, Карл Маркс, Йозеф Шумпетер, Адам Смит, непреднамеренные последствия человеческих действий.

¹ Курц Хайнц Д. — профессор экономики Грацкого университета имени Карла и Франца; e-mail: heinz.kurz@uni-graz.at.

Цитировать статью: Курц, Х. Д. (2024). Адам Смит о процессе цивилизации и связанных с ним рисках. Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 59(6), 187–220. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-11>.

H. D. Kurz

The University of Graz (Graz, Austria)

JEL: B12; B14; B15; B31; D46; E14; H56; O31; P17

ADAM SMITH ON PROCESS OF CIVILIZATION AND ITS HAZARDS

This article explores the evolutionary aspect of Adam Smith's work and his substantive conclusions regarding the civilizing process and the risks associated with it. The first section of the article represents an introduction to the problem, where research tasks are formulated. The second section contains materials indicating Smith's familiarity with the early evolutionary concepts presented in the works of Leclerc. The third section provides an overview of the key «evolutionary» components of Smith's study of the civilizing process. In the fourth section, the author offers a brief overview of how Smith's concepts and principles are reflected in the analysis of Marx and Schumpeter, who were greatly influenced by Darwin's evolutionary biology. All three authors sought to identify the forces that determine the «civilizing process» or «laws of motion» of society, as well as the risks associated with this process. They tried to understand whether such a process in itself leads to an increase in the standard of living and the accompanying «liberty, equality, and fraternity». And, conversely, whether it can serve to destroy the system, inevitably plunging it into gradual degradation. In their research, they tried to determine whether the unintended consequences of selfish human actions could lead to tyranny and human suffering. This issue is addressed in the fifth section of the article, which emphasizes that the civilizing process generates tendencies from within that threaten its continuation and may even lead to regression and degradation. In such cases, the «wisdom of the state» is urgently needed to effectively counteract such tendencies. As an example illustrating this need, Adam Smith's political economy of war is cited. In conclusion, the author expresses the hope that Smith will be right, and that the civilizing process is in fact driven by nature's intended desire for happiness and the perfection of the species.

Keywords: circular and cumulative causation, Evolutionary economics, Process of civilization, Karl Marx, Joseph Schumpeter, Adam Smith, Unintended consequences of human actions.

To cite this document: Kurz, H. D. (2024). Adam Smith on process of civilization and its hazards. *Lomonosov Economics Journal*, 59(6), 187–220. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-6-5>

Введение

Вряд ли читатели удивятся тому, что Йозеф А. Шумпетер (1883–1950) считается «экономистом-эволюционистом». Причисление к этой категории Карла Маркса (1818–1883) для кого-то может оказаться неожиданным. Утверждение же о том, что Адам Смит (1723–1790) тоже является сторон-

ником эволюционизма, может вызвать недоумение, учитывая, что Чарльз Дарвин (1809–1882) при жизни Смита даже не успел родиться. Хотя некоторые комментаторы писали об эволюционистских взглядах А. Смита (Coase, 1976), это скорее исключение, чем норма.

Очевидно, что определение Смита как эволюционного социального теоретика требует тщательного объяснения и обоснования. В отсутствие общепринятых формулировок я использую эволюционные методологии Маркса и Шумпетера в качестве ориентиров для оценки позиции Смита (см. в этом отношении: Kurz, 2023). Поскольку Смит, Маркс и Шумпетер включают существенные эволюционные аспекты в свое понимание социально-экономической системы и ее динамики, возможно, было бы разумно применять термин «эволюционный» к аналитическим работам всех троих мыслителей. И, наоборот, если этот критерий оспаривается, ни одна из этих работ не может служить основанием для такой классификации.

Результаты данного исследования эволюционных аспектов социально-экономического анализа Адама Смита ясно указывают на положительный вывод. Еще большее значение с доктринальной точки зрения имеет то, что для оценки подхода Смита я использую широко признанную эволюционную природу анализа Шумпетера и Маркса. При этом становится очевидным, что во многих важных аспектах первые двое были последователями Смита, ибо идеи Маркса и Шумпетера перекликались с его учением. Внимательное рассмотрение показывает, что эволюционные теории Маркса и Шумпетера многим обязаны концепции Смита, которая, среди прочего, включает принцип наследственности как существенный фактор. Это наблюдение распространяется и на данный случай: основополагающие идеи эволюционных элементов в теориях Маркса и Шумпетера восходят к анализу Смита.

В истории предмета нашего исследования неоднократно встречаются случаи применения «закона эпонимии» Стивена Стиглера, который утверждает, что научные законы редко называются в честь их первооткрывателей. Это мнение перекликается с утверждением Альфреда Норта Уайтхеда о том, что «все важное было сказано ранее кем-то, кто не объявил об открытии». Размышляя об отношениях между Смитом, Марксом и Шумпетером, а также между Жоржем-Луи Леклерком, графом де Бюффон (1707–1788), и Чарльзом Дарвином, читатели этой статьи имеют свободу решать, в какой степени высказывание Уайтхеда применимо к рассматриваемому случаю.

Статья построена следующим образом. Второй раздел содержит материалы, указывающие на знакомство Смита с ранними эволюционными концепциями, представленными в работах Леклерка. В третьем разделе представлен обзор ключевых «эволюционных» компонентов исследования процесса «цивилизации» осуществленного А. Смитом. Четвертый раздел предлагает краткий обзор того, как понятия и принципы Смита

отражаются в анализе Маркса и Шумпетера. Наконец, в пятом разделе рассматривается взгляд Смита на цивилизационный процесс с его рисками и опасностями: этот процесс порождает изнутри тенденции, которые ставят под угрозу его продолжение и могут даже привести к регрессу и деградации. В таких случаях крайне необходима «мудрость государства», чтобы эффективно противодействовать таким тенденциям. Политическая экономия войны, изложенная А. Смитом, представляет собой особенно убедительную иллюстрацию этой необходимости. Шестой раздел содержит заключение и выводы.

Адам Смит и Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон

В данной статье термин «эволюционная экономика» в широком смысле означает научную дисциплину, которая изучает организацию и структуру хозяйственной жизни в качестве развивающейся системы, анализируя ее природу и свойства, а затем исследуя внутреннюю эволюционную динамику, порождаемую самой этой системой (Dopfer, 2016, p. 184). Зрелый анализ Смита, особенно четко представленный в книге «Богатство народов», соответствует этому определению, что будет продемонстрировано в последующих разделах. Как известно, книга эта, первоначально опубликованная в 1776 г., при жизни автора выдержала шесть изданий, из которых последнее вышло в 1790 г., т.е. в год смерти Смита. При этом у более ранних авторов можно найти идеи близкие, а иногда и вполне идентичные смитовским. Нечто подобное можно сказать и о новаторских положениях книг Чарльза Дарвина «Происхождение видов посредством естественного отбора» (1859) и «Происхождение человека и отбор по отношению к полу» (1871).

Убедительные доказательства указывают на знакомство Смита по крайней мере с некоторыми работами одного из предшественников Дарвина, французского натурфилософа и анатома Жоржа-Луи Леклерка, графа де Бюффон. Леклерк приступил к многотомному проекту под названием *Histoire naturelle générale et particulière* в 1749 г. и продолжал работать над ним до своей кончины. Первые три тома были опубликованы в 1749 г. и охватывали, помимо прочего, *Théorie de la Terre* («Теория Земли»), *Histoire Générale des animaux* («Всеобщая история животных») и *Histoire Naturelle de l'homme* («Естественная история человека»). Еще двенадцать томов вышли в 1753–1767 гг. У Смита было несколько ранних томов, написанных Леклерком и его помощниками (особенно Добертоном), что подтверждается каталогом библиотеки Смита, составленным Мизутой (Mizuta, 2000, p. 36–37).

Но есть и другие свидетельства знакомства Смита с некоторыми из этих томов: в письме, которое он направил в «Эдинбургское обозрение» в 1755 г., Смит упоминает «полную систему естественной истории», разработанную «двумя джентльменами, чьи заслуги признаны практиче-

ски во всем цивилизованном мире, господином Бюффоном и господином Добертоном» (Курсив мой. — *Авт.*) (Smith, 1980, p. 248). Врач Добертон был помощником Леклерка, особенно в его анатомических исследованиях, в качестве таксидермиста. К сожалению, мне неизвестны какие-либо прямые свидетельства влияния Леклерка на отдельные положения Смита; нет и конкретной информации о том, какие тома Бюффона или их части Смит действительно читал и комментировал. Я убежден, однако, что приведенные доказательства, а также в высшей степени хвалебные отзывы Смита о работах француза оправдывают наше предположение, что эволюционные аспекты доктрины Смита, возможно, были вдохновлены де Бюффоном.

Дэвид Юм, близкий друг Смита, рассказывает историю, которая проливает свет на этот вопрос. Во время пребывания Смита в Париже в 1766 г. вместе с молодым герцогом Баклю Юм занимал должность секретаря британского посольства. Юм купил два тома «Истории» Леклерка у местного парижского книготорговца. Однако впоследствии Леклерк прислал ему этих же два тома в подарок, и Юм вернул купленные им экземпляры продавцу книг. К сожалению, книготорговец не только не компенсировал Юму потраченные средства, но и проигнорировал его письменные обращения. В августе 1766 г. Юм написал об этой истории Смигу, жившему недалеко от книжного магазина, и попросил его вмешаться: «Я бы хотел, чтобы вы поговорили с ним и немного погрозили ему. Скажите ему, что я начну судебное преследование лично по возвращении в Париж или через моих представителей» (Smith, 1987, p. 118). Очевидно, работы Леклерка привлекли значительное внимание выдающихся интеллектуалов той эпохи и вероятно вызвали дискуссии в известных салонах Парижа.

Знакомство Смита с работами Леклерка особенно важно по двум основным причинам. Во-первых, Леклерк является одним из первых сторонников биологической теории эволюции, фактически опередив в этом отношении Дарвина. В противовес Карлу фон Линнею, Бюффон выдвинул идею о том, что природа и ее обитатели не являются статичными, никогда не изменяющимися объектами. Вместо этого он предположил, что они развиваются с течением времени, образуя прогрессивную эволюционную последовательность, которая не поддается простой таксономической классификации. Эта концепция эволюционной преемственности прямо противоречила преобладающей церковной доктрине, которая постулировала заданную до начала существования природу видов. Леклерк утверждал, что обезьяна — это еще неразвитая форма человека. Он также не исключал идею вымирания видов.

Во-вторых, Леклерк подчеркивал существенное влияние деятельности человека на Землю, потенциально приводящее к необратимым последствиям. Его идеи являются прообразом концепции «антропоцена». Например, он указывал на радикальные последствия обширной вырубki

лесов и сжигания древесины поселенцами в Северной Америке и Канаде, где эта деятельность привела к заметным изменениям климата в ряде областей. Он также заметил, что повышение средних температур положительно повлияло на урожайность сельскохозяйственных культур в этих регионах. А с ростом населения мира — проблемой, вызывающей серьезную озабоченность современной политической экономии и не только ее — неизбежно возникает необходимость смягчить или устранить последствия такого роста для условий жизни на планете в долгосрочной перспективе.

А. Смит действительно знал некоторые работы Леклерка и высоко ценил их. Хотя в произведениях Смита нет фрагментов, которые можно было бы с уверенностью объяснить влиянием Леклерка, в «Богатстве народов» он часто проводит сравнения между человеческим видом и различными видами животных, подчеркивая различия между ними. Вполне возможно, что на эти размышления могло повлиять его увлечение произведениями Леклерка. В одном из наиболее примечательных отрывков Смит выдвигает гипотезу о том, что существенный контраст заключается в превосходной способности людей к сотрудничеству, возникающей благодаря их «способности или склонности к бартеру и обмену». Смит особо подчеркивает, что

«[М]ногие породы животных, признаваемые принадлежащими к одному и тому же виду, отличаются от природы гораздо резко выраженным несходством способностей, чем это наблюдается, по-видимому, у людей, пока они остаются свободными от воздействия привычки и воспитания. ... Однако эти различные породы животных, хотя и принадлежащие все к одному виду, почти бесполезны друг для друга» (Смит, 2007, с. 78).

Смит иллюстрирует это положение на примере разных пород собак (мастифа, борзой, спаниеля и овчарки), различающихся по скорости, сообразительности и покладистости — чертам, которые из-за отсутствия склонности к сотрудничеству собак между собой «нельзя сделать общим достоянием» и которые, соответственно, несколько не способствуют лучшему существованию вида. Ни одно животное... не получает никаких преимуществ от того разнообразия талантов, которыми природа отличила его собратьев (Смит, 2007, с. 78). Однако в царстве людей процессы совершенно очевидны: через разделение труда, производство и обмен товарами, разнообразные таланты и навыки действительно могут быть предметом торгового обмена. Покупая товары, люди могут получить доступ к продуктам талантов и навыков, которые не находятся в их личном владении.

Этот пример подчеркивает отмеченную Смитом принципиальную разницу между биологией и социальными науками: люди и животные имеют качественно различные способности участвовать в общении, делиться

идеями, учиться друг у друга, развивать таланты, приобретать навыки и сотрудничать.

Маркс и Шумпетер тщательно изучали дарвиновскую эволюционную биологию. При этом они считали, что прямой перенос дарвиновских концепций в социальные науки не имеет смысла, поскольку области, исследуемые социальными науками и биологией, совершенно различны. Восхищаясь достижениями Дарвина, оба тем не менее признавали необходимость совершенно новой концепции эволюции, адаптированной к предмету социальных наук. Смит столкнулся с менее развитой версией эволюционной биологии, но, возможно, ему можно приписать схожее мнение. Таким образом, ни в одном из указанных примеров эволюционный характер работ авторов, рассматриваемый в этой статье, не возникает благодаря простому переносу биологических концепций в социально-экономические исследования. Однако все три автора воспринимали экономику, общество, культуру, политику и даже религию как взаимосвязанные элементы развивающейся системы, требующие исследования с помощью теории эволюционной динамики.

Элементы эволюционизма в анализе Смита

Смит стремился понять социально-экономическую систему как самоорганизующуюся сущность, которая, будучи движима своей внутренней логикой, постоянно генерирует изменения изнутри, способствуя процессам социальной самотрансформации. Он твердо верил в то, что такая система не может находиться в состоянии покоя, и это убеждение привело к ключевому вопросу, похожему на более поздний вопрос Маркса, о ее «законе движения»: можно ли ожидать, что система будет последовательно улучшать условия жизни людей и направлять общество к «возможно большому счастью для наибольшего числа людей» — именно этот принцип исповедовал наставник Смита в Университете Глазго, «незабываемый» доктор Фрэнсис Хатчесон (1694—1746). Будет ли система устанавливать предполагаемую «простую и незамысловатую систему естественной свободы» (Смит, 2007, с. 647), обеспечивая «равенство, свободу и справедливость» (Смит, 2007, с. 625)? Или же, в случае неверного направления, существует риск скатиться к нищете и тирании? Может ли продуманная политика повлиять на траекторию событий, и если да, то какую форму примут стратегии ее реализации?

«Улучшения» и комбинаторная метафора. Хотя Адам Смит не использует термины, ставшие популярными благодаря Дарвину, например, «изменчивость», «отбор» или «наследственность», он выражает сходные или родственные понятия, используя другие слова. Так, слово «улучшения» применительно к технологиям и организации охватывает понятия, родственные этим трем концепциям. А. Смит использует комбинатор-

ную метафору, которая фактически отражает то, что мы сейчас называем инновациями, — точку зрения, представленную Шумпетером в его концепции «новых комбинаций» существующих фрагментов знания. Важно отметить, что углубление общественного разделения труда порождает то, что мы сегодня называем исследованиями, разработками и инновациями (НИОКР). Смит выходит за рамки идеи «обучения посредством использования», удачно сформулированной Натаном Розенбергом, и приписывает развитие новой техники не только этому процессу. Фактически

«далеко не все усовершенствования машин явились изобретением тех, кому приходилось работать при машинах. Многие усовершенствования были произведены благодаря изобретательности машиностроителей, а некоторые — теми, кого называют учеными, или теоретиками, профессия которых состоит не в изготовлении каких-либо предметов, а в наблюдении окружающего и которые в силу этого в состоянии комбинировать силы наиболее отдаленных друг от друга и несходных предметов. С прогрессом общества наука, или умозрения, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией и занятием особого класса граждан» (Смит, 2007, с. 74).

Объединение реконфигурированных фрагментов существующих знаний дает новые идеи и новые частицы знаний. По сути, этот процесс воплощает в себе вариации в рамках социально-экономического развития. На каждом этапе дальнейшую траекторию формируют конкретные альтернативы, каждая из которых основана на достижениях прошлого, т.е. дальнейший процесс зависит от предшествующего развития. Эту динамику можно рассматривать как аналог формы наследственной структуры.

Элемент «зависимости от пройденного пути» очевиден, среди прочего, в том, как Адам Смит излагает историю развития общественного разделения труда, которое начинается с разделения труда внутри предприятий, а за ним следует разделение труда между предприятиями. Эта эволюция затем распространяется на разделение между регионами внутри страны и, наконец, приводит к глобальному разделению между странами. Смит подчеркивает, что национальные и международные модели специализации обычно меняются с течением времени из-за разных режимов межстрановой экономической политики и, соответственно, разных темпов накопления капитала и технического прогресса, разных темпов роста населения, разного плодородия почвы и т. д.

Общественное разделение труда и конкурентный отбор. Углубление общественного разделения труда отражает процесс отбора, когда из потока только что изобретенных методов производства, новых товаров или известных товаров, но с лучшими качествами, отбираются и направляются в систему наиболее для нее подходящую. Часто такие достижения приво-

дят к вытеснению старых методов — происходит то, что Шумпетер назвал «созидательным разрушением». Эта динамика характерна для «вселенной» технологий и товаров, находящихся в постоянном движении: новые элементы появляются по мере ухода старых. Смит твердо верил, что с общественным разделением труда эта вселенная будет постоянно расширяться, причем количество новых элементов будет превышать количество уходящих старых, приводя к растущему разнообразию методов, товаров и необходимых навыков для производства.

Этот эволюционный процесс понимается именно как *механизм отбора*. Что касается принципов работы этого механизма, то в первую очередь им управляет конкуренция между фирмами; что же касается субъективно воспринимаемого качества товаров, «стремления выделиться», социального соперничества и других факторов, они играют роль главным образом для выбора потребительских товаров. Смит горячо защищал «свободную конкуренцию» как предпочтительный механизм отбора методов производства в условиях беспрепятственного входа на рынок и ухода с рынка, потому как был убежден, что рынки будут работать наилучшим образом именно в условиях свободной конкуренции. Значительная часть его рассуждений в «Богатстве народов» сосредоточена на свойствах экономических систем, действующих в рамках свободной конкуренции.

Смит осознавал, что реальные обстоятельства отклонялись от этого идеала из-за искажений, возникающих вследствие монопольного положения предприятий и привилегий, предоставляемых меркантилистским государством. Тем не менее, сопоставляя преимущества конкурентных условий с реальным экономическим ландшафтом, находящимся под влиянием «меркантилистской системы», он стремился доказать превосходство свободной конкуренции. Он утверждал, что только посредством конкуренции экономика может достичь порядка и согласованности, поскольку конкуренция дисциплинирует участников рынка: «Монополия, помимо того, является великим врагом хорошего хозяйства: последнее может получить всеобщее распространение только в результате того свободного и всеобщего соперничества, которое вынуждает каждого прибегать к хорошему ведению хозяйства в интересах самозащиты» (Смит, 2007, с. 191). Смит был убежден, что свободная конкуренция поощряет поведение, направленное на минимизацию затрат.

Порядок и согласованность экономической системы: «естественные» цены. Порядок и согласованность экономической системы обеспечиваются тем, что можно назвать центростремительной силой конкуренции. Используя терминологию Ньютона, Смит применяет метафору тяготения «рыночных» цен к их «естественным» уровням, когда цены могут колебаться вокруг них без значительных отклонений. Таким образом, система естественных цен является «аттрактором» для колеблющихся рыночных цен, определяя так называемое долгосрочное положение эко-

номики. Эта позиция возникает после того, как конкурентная динамика полностью себя исчерпала. Определение естественных цен, а также связанной с ними *единой общей нормы прибыли* во всех секторах экономики, опирается на два набора независимых переменных или заданных условий:

1. Реальная ставка заработной платы, отражающая распределение власти у противоборствующих сторон, рабочих и «хозяев» (т. е. капиталистов), «интересы которых отнюдь не тождественны», в «споре» о распределении дохода (Смит, 2007, с. 119).
2. Набор имеющихся методов производства, из которых производители в стремлении минимизировать затраты могут выбирать в данный момент времени.

Возьмем простой случай нескольких (n) однопродуктовых отраслях (и, следовательно, только оборотного капитала), в которых все продукты прямо или косвенно входят в производство всех товаров, т.е. являются «основными продуктами» (Staffa, 1960, р. 7–8). Для данной реальной ставки заработной платы, выплачиваемой в начале периода равномерного производства, оставляя в стороне проблему земли и земельной ренты и приводя уровни валового выпуска к нормализованному значению 1, мы можем записать естественные цены, упоминаемые в рассуждениях Смита, как

$$p = (1 + r)(M + lw^T)p.$$

В этом уравнении p — n -мерный вектор-столбец натуральных цен $(p_1, p_2, \dots, p_n)^T$; r — общая (конкурентная) норма прибыли; M — матрица $n \times n$, представляющая материальные средства производства, израсходованные в ходе производства, $l = (l_1, l_2, \dots, l_n)^T$ — вектор-столбец количества прямых трудовых затрат на единицу валовой продукции в различных отраслях; $w^T = (w_1, w_2, \dots, w_n)$ — вектор-строка, задающая единую ставку реальной заработной платы (T означает транспонирование).

Смит обладал замечательной интуицией (см.: Смит, 2007, с. 109–107), но не смог убедительно продемонстрировать (допустив некоторые ошибки в попытке сделать это), что при заданных M , l и w при полуположительном пучке различных товаров в разных количествах $d^T = (d_1, d_2, \dots, d_n) \geq 0^T$, принятом в качестве стандарта стоимости, в котором выражаются все величины стоимости, т. е.

$$d^T p = 1,$$

общая норма прибыли r и система натуральных p определяются однозначно.

Смит был уверен, что процесс притяжения цен к «естественным» значениям или их колебаний в районе таких значений обычно протекает плавно и быстро и, что самое главное, этот процесс устойчив. Однако он признавал, что недостаточно просто высказать положение о стабиль-

ности, его необходимо теоретически обосновать. Недостаточно просто предположить, что частная децентрализованная экономическая организация превосходит коллективную централизованную (как это полагали авторы-меркантилисты); было важно доказать превосходство первой и ее стабильность с помощью веских аргументов, которые рассеяли бы опасения критиков, утверждавших, что такая организация ввергнет экономику в нисходящую спираль.

По мнению Смита, стабильность экономической системы будет очевидной если доказать, что ее отклонение от долгосрочной позиции корректируется внутри самой системы посредством активации сил, возвращающих ее обратно. Преследование собственных интересов заставило бы агентов использовать возможности, возникающие из-за различий в прибыли и заработной плате, вызванные отклонениями рыночных цен от их естественного уровня. Агенты перенаправят капитал и рабочую силу из менее привлекательных секторов в более привлекательные, исправляя отклонения и постепенно устраняя различия. По его словам,

«[т]аким образом, естественная цена как бы представляет собою центральную цену, к которой *постоянно тяготеют* цены всех товаров. Различные случайные обстоятельства могут иногда *держат* их на значительно более высоком уровне и иногда несколько *понижат* их по сравнению с нею. Но каковы бы ни были препятствия, которые отклоняют цены от этого устойчивого центра, они *постоянно тяготеют к нему*» (Смит, 2007, с. 112).

Доводы Смита в пользу «гравитационной теории цен» нельзя считать исчерпывающим «доказательством» ожидаемой стабильности; он недооценил сложную природу стоящей перед ним задачи, что в общем неудивительно (Kurz, 2016a, section 4). Однако он выявил проблему и сделал серьезную попытку ее решить — и это, конечно, заслуживает признания.

Мутации — инновации. Смит подчеркивал, что достижения в области технологий и организации, сопровождающие углубление социального разделения труда, широко распространяются по всем секторам экономики. Привлекательность «дополнительных» прибылей создает убедительную мотивацию для внедрения более или менее рискованных инноваций, которые действуют как центробежная сила конкуренции. В то время как некоторые инновации оказываются успешными, другие терпят неудачу, знаменуя разворот центростремительной силы, которая в конечном итоге определяет результаты. Предприятия, внедряющие новые и высокодоходные методы, растут быстрее; вскоре конкуренты также начинают их использовать и, таким образом, эти инновационные методы производства распространяются по всей экономике. В результате различия в рентабельности постепенно уменьшаются:

«Введение новой отрасли производства или торговли или нового метода в земледелии всегда представляет собою своего рода спекуляцию, от которой предприниматель ожидает получить чрезвычайную прибыль. Прибыли эти иногда бывают очень велики, но иногда, а может быть и чаще всего, бывает совершенно противоположное; но, по общему мнению, прибыли эти находятся ни в каком правильном соответствии с прибылями других, старых отраслей промышленности и торговли в данной местности. В случае успеха предприятия она обыкновенно бывает вначале очень высока. Когда же данная отрасль производства или торговли или новый метод вполне упрочиваются и становятся общеизвестными, конкуренция уменьшает прибыль до обычного уровня ее в других отраслях» (Смит, 2007, с. 161–162).

Сравнивая внедрение чего-либо нового в социально-экономическую систему с подобной ситуацией в мире природы, можно провести аналогию. В начале XX в. голландский биолог Хьюго де Врис (1848–1935) предложил концепцию «мутаций», которые представляют собой случайные вариации генотипа и способствуют возникновению «новшеств» в биологической эволюции (Lorenz, 2020, p. 13). Однако такие сохраняющиеся мутации встречаются в природе относительно редко. Существуют ли параллели между биологическими мутациями в природе и изобретениями и инновациями в процессе социально-экономической эволюции? Для такого сравнения нет необходимости сильно напрягать воображение. Рассмотрим в качестве генотипа производственной системы в конкретный момент всю продукцию, которая прямо или косвенно необходима в производстве всей продукции, т. е. совокупность всех основных продуктов или «базовую систему». Вновь разработанные методы производства при их успешном внедрении и прохождении конкурентного отбора, наряду с модификациями, которые они вносят при интеграции в экономическую систему, могут изменить «генотип» различными способами: заменяя один или несколько основных продуктов новыми, тем самым сохраняя масштаб, но не содержание базовой системы; путем добавления новых базовых продуктов, которые расширяют масштабы системы; путем исключения некоторых основных продуктов, тем самым уменьшая его размерность; или путем добавления и вычитания элементов из базовой системы. Частые неудачи изобретений или «проектов», подчеркивает Смит, могут быть связаны с присущей мутациям нестабильностью.

Смит указывает, что по мере того, как в социально-экономических системах растет общественное разделение труда, в них одновременно появляется большее разнообразие потребительских товаров и средств производства, а также навыков и задач. Со временем как производственные, так и распределительные сети естественным образом расширяют свои размеры, что приводит к увеличению сложности системы. Следовательно,

цепочки поставок будут удлиняться, диверсифицироваться и становиться более уязвимыми.

Циклическая и кумулятивная причинность. Эволюционные взгляды Смита наиболее очевидны в двух ключевых аспектах: во-первых, его идеи об экономических и социальных изменениях, говоря современным языком, демонстрируют склонность к нелинейной динамике. Во-вторых, он особо отмечает взаимосвязанные процессы эволюции различных аспектов социальной жизни, таких как, например, накопление капитала. Он подчеркивает, что более высокие темпы накопления капитала приводят к более быстрому расширению рынка, что впоследствии создает больше возможностей для более глубокого социального разделения труда. Это, в свою очередь, приводит к повышению производительности труда, росту доходов на душу населения и, что особенно важно, увеличению прибыли. Более высокий уровень доходов и прибыли затем способствует увеличению темпов накопления капитала, тем самым запуская самовоспроизводящуюся последовательность. Смит точно уловил концепцию циклической и кумулятивной причинно-следственной связи, признавая, что технологический прогресс и экономический рост взаимно усиливают друг друга. Эллин Янг (Young, 1928, p. 529) охарактеризовал эту концепцию как центральную «теорему» Смита и «одно из наиболее ярких и плодотворных обобщений» в экономической науке. Она является краеугольным камнем доктрины динамически растущей доходности. Разделение труда в сочетании с сопутствующей технологической эволюцией углубляется и распространяется, приводя к устойчивым и прогрессивным изменениям. Эта трансформация выходит за рамки экономической сферы, пронизывая общество, культуру и структуры управления.

Смит выделяет три направления, посредством которых разделение труда способствует повышению производительности: i) специализация, которая повышает квалификацию работников; ii) эффективность, достигаемая за счет уменьшения количества переходов от задачи к задаче и времени, необходимого для обучения рабочих и освоения оборудования; и iii) внедрение машин, заменяющих труд людей и животных механической энергией (см.: Смит, 2007, с. 70–72). Хотя i) и ii) обеспечивают относительно небольшой и ограниченный прирост производительности, потенциал iii) не имеет видимых ограничений. К сожалению, Смит не знал о производственных перспективах, которые открывала механизация. Как это ни парадоксально, он особо отмечал как значительный потенциал производственного сектора для более глубокого разделения труда, так и связанный с этим рост производительности труда, особенно по сравнению с такими секторами, как сельское хозяйство. Тем не менее он не считал, что именно производственный сектор играет ключевую роль «двигателя роста». Он утверждал, что этот сектор преимущественно производит предметы роскоши и украшения для богатых, а не основ-

ные инвестиционные товары, такие как инструменты и оборудование для экономики в целом. Примечательно, что он рассматривал «зерно» (пшеницу), один из видов сельскохозяйственной продукции, как почти эксклюзивный (композиционный) продукт, необходимый в качестве исходного материала для производства всех товаров, включая сам этот продукт. И, наоборот, большинство промышленных товаров, не считавшихся основными, поступали в производство лишь ограниченного круга других товаров, что делало их либо специализированными средствами производства, либо расходными материалами. Технологии, которые обсуждал Смит, также не соответствовали тому, что сегодня называют «технологиями широкого применения».

Оглядываясь назад, можно сказать, что хотя понимание Смитом технологических и экономических преобразований, проложивших путь к первому веку машин (термин Дэвида Отора), не было полностью верным, предложенная им концептуальная основа этих далеко идущих революционных процессов и аналитический инструментарий для их изучения получили широкое признание. Предложенная Смитом структура очерчивает серию долгосрочных состояний экономической системы, для которых характерны различные «системы производства» или «технологии». Переход от системы к системе регулируется особым процессом отбора — конкуренцией, который заставляет производителей сосредоточиться на экономической эффективности, тем самым непреднамеренно привнося порядок и структуру в экономику.

Примечательно, что работа Смита не описывает форму «кнопочной экономики», в которой можно точно предсказать, к какому новому «равновесию» неизбежно перейдет система в результате любых изменений ее независимых переменных (как они понимаются в маржиналистском или неоклассическом контексте: предпочтения, технологические знания и изначальный потенциал). Такое утверждение граничит с претензией на знание, которым экономисты обычно не владеют. Оно, среди прочего, основано на смелом предположении, что все непреднамеренные последствия человеческих действий и взаимодействий можно точно предвидеть, что явно не соответствует действительности. Совершенное предвидение невозможно, а любое утверждение обратного не может быть обосновано.

В результате мы должны поставить вопрос о вере в то, что идеальное общество можно концептуализировать, а затем и построить в соответствии с заранее определенным планом.

Человек системы. В «Теории нравственных чувств» (1759) Смит проводит контраст между двумя типами людей: «человеком, чей общественный настрой целиком движим гуманностью и доброжелательностью», и «человеком системы». В то время как первый следует «божественной максиме Платона никогда не применять насилия по отношению к своей стране, а также к своим родителям», «человек системы», напротив, «не терпит

ни малейшего отклонения от какой-либо части» своего «идеального плана правления», игнорируя как интересы других людей, так и глубоко укоренившиеся предрассудки (Smith, 1976, VI.ii.b. 17). Следовательно, человек системы стремится реализовать свой план, несмотря на огромные проблемы, связанные с позициями оппонентов и устойчивыми предрассудками. Смит уточняет: «Он, кажется, воображает, что может расположить различных членов большого общества с такой же легкостью, как рука расставляет различные фигуры на шахматной доске; он будто забывает что, тогда как фигуры на шахматной доске не имеют другого принципа движения, кроме того, который им сообщает рука, на великой шахматной доске человеческого общества каждая фигура имеет свой собственный принцип движения, полностью отличный от того, который мог быть навязан ей законами. Если эти два принципа совпадают и действуют в одном направлении, игра человеческого общества будет идти легко и гармонично и, скорее всего, будет счастливой и успешной. Если они противоположны или различны, игра представит из себя жалкое зрелище, и общество будет устроено в высшей степени беспорядочно» (Smith, 1976, VI.ii.b. 17).

Этот отрывок решительно призывает суверена или государственного деятеля признавать и уважать особые «принципы движения» разных людей. Невыполнение этого требования может привести к тому, что граждане с благими намерениями непреднамеренно станут нарушителями закона, как это проиллюстрировал Смит на примере контрабанды (см.: Смит, 2007, с. 829–830).

Аналогия с шахматной доской имеет интересные последствия. В первую очередь, на нее можно посмотреть в контексте ньютоновской астрономии, где планеты заменяют шахматные фигуры на доске. Каждая планета следует своей особой траектории, внося свой вклад в общую гармонию планетной системы, подобную первоначально заданной гармонии. Хотя аналогия Смита не соответствует состязательному характеру игры в шахматы, она показывает, что теория устройства общественной системы, над которой он работал, имеет более сложный состав, чем астрономия Ньютона. В отличие от планет Ньютона, «части» в исследовании Смита не имеют одинакового и неизменного принципа движения. Как явствует из *«Теории нравственных чувств»*, они обладают разнообразным диапазоном способностей, мотиваций и стремлений, меняющихся в зависимости от внешних факторов. Для иллюстрации Смит сравнивает виды людей и животных, заявляя, что «различие между самыми несхожими характерами, между ученым и простым носильщиком, например, создается по видимому, не столько природой, сколько привычкой, практикой и воспитанием» (Смит, 2007, с. 78). Более того, количество фигур на шахматной доске постоянно меняется по ходу игры, тогда как астрономия Ньютона предполагает постоянное число планет.

Однако меняются не только цифры; трансформируются и состав «фигур» на шахматной доске, и их распределение по различным социальным группам и классам. Появляются новые группы и классы, в то время как некоторые из ранее возникших приходят в упадок и постепенно исчезают. Социально-экономическая система находится в постоянном движении, претерпевает непрерывную эволюцию. Этот динамизм является результатом того, что люди не только изменяют население и структуру шахматной доски, но и расширяют ее масштабы. В эпоху антропоцена экономическая сфера расширяется, и взаимодействие общества с окружающей средой ведет к потреблению все большего количества ресурсов планеты, которые отнюдь не бесконечны. Этот процесс включает сложные нелинейные отношения, бросающие вызов идее линейного и устойчивого развития без переломных и значительных поворотных моментов. Смит признал этот факт и определил некоторые его аспекты, которые будут рассмотрены в пятом разделе.

Теперь мы кратко остановимся на том, как некоторые идеи и концепции Смита находят отклик в трудах Маркса и Шумпетера, сосредоточась при этом на тех соответствиях, которые я считаю наиболее важными.

Отражение идей А. Смита в работах Маркса и Шумпетера

Маркс и Шумпетер внимательно изучили работы Смита, особенно «Богатство народов», и почерпнули из них важные идеи. Но признавали ли они при этом свой интеллектуальный долг перед Смитом в достаточной степени последовательно? Этот аспект будет затронут ниже. Мы также выделим случаи, когда они выявляли и критиковали аналитические ошибки Смита. Такая критика иногда отвлекает внимание от того, как Маркс и Шумпетер интегрировали ценные аспекты идей Смита в свои собственные работы. Этот раздел начнется с рассмотрения взаимодействия Маркса и Шумпетера с трудами Дарвина и того, как это взаимодействие побудило их включить эволюционные концепции в свои социальные теории. Затем мы обсудим параллели между этими идеями и идеями, ранее сформулированными Смитом, что в конечном итоге приведет нас к выводу о том, что Маркс и Шумпетер, возможно, могли заявить о более существенной связи с учением Смита, чем даже Уильям Питт Младший, первый лорд казначейства и канцлер казначейства (1759–1806), который говорил, что он и его помощники были «учениками» Смита (см.: Scott, 1937, p. 302; см. также: Smith, 1987, p. 380).

Взгляды Маркса и Шумпетера на учение Дарвина. Фридрих Энгельс привлек внимание Маркса к «Происхождению видов» Дарвина, увидев возможную связь между естественным отбором и классовой борьбой. Энгельс предположил, что дарвиновская концепция борьбы за существование была «простым переносом доктрины Гоббса *bellum omnium contra omnes*

(война всех против всех), буржуазной экономики конкуренции, а также теории народонаселения Мальтуса из общества в царство живой природы» (Lorenz, 2020, p. 16). В этом случае возникал критически важный вопрос: может ли эта доктрина быть перенесена обратно на общество, приняв новый облик и частично новое содержание, и стоит ли это делать? Маркс провел тщательное рассмотрение этого положения. Хотя он обнаружил параллель между «Происхождением видов» и своей собственной работой «Капитал», поскольку обе они прослеживали историю различных видов или классов, он в конечном итоге отверг эту идею. Он увидел, что «чисто случайное» основание теории Дарвина противоречило его собственной вере в заранее определенную цель социального развития, а именно в бесклассовое общество, где нет эксплуатации человека человеком. Представление о том, что изменения возникают в результате произвольных вариаций, включающих непредсказуемые события с весьма неопределенными результатами, противоречило телеологическому взгляду Маркса и Энгельса на человеческую историю.

Шумпетер, так же, как и Маркс, отверг представление о том, что «классовую борьбу» можно приравнять к дарвиновской концепции «борьбы за существование» и принципу «естественного отбора», заявив, что он разделяет озабоченность не только количественными, но и качественными преобразованиями. Подобно Марксу, Шумпетер опроверг представление о том, что «классовую борьбу» можно приравнять к дарвиновской концепции «борьбы за существование» и принципу «естественного отбора». Шумпетер (Schumpeter, 1954, p. 445) подчеркивал: «Маркс, возможно, почувствовал определенное удовлетворение, ознакомившись с эволюционизмом Дарвина. Но его собственные теории никак не были с ним связаны».

Примечательно, что Шумпетер сравнил достижения Дарвина с открытием «гелиоцентрической системы» (Schumpeter, 1954, p. 445). Однако, как и у Маркса, его основное внимание по-прежнему было сосредоточено на «социальной значимости книги и ее значении для социальных наук» (Schumpeter, 1954, p. 444). Хотя эволюционная биология помогла взглянуть по-новому на взаимодействие экономики и общества как взаимосвязанных и самоизменяющихся систем, у нее в арсенале не было концепций и инструментов, которые можно было бы непосредственно применять в сфере социальных наук.

Эволюционная теория резко контрастировала с преобладающими доктринами, целью которых было дать описание социально-экономической системы посредством механических сравнений, например, с часами или планетными системами, подразумевавших заранее определенные схемы и приверженность неизменным законам природы. В экономике механическую аналогию отстаивал Альфред Маршалл, чьи «Принципы экономики» (Marshall, 1961) вышли под девизом «*natura non facit saltum*» (природа не действует скачками), который означал веру в непрерывность

и отсутствие революционных изменений. Однако, когда мы исследуем социально-экономические системы, составные элементы которых находятся в постоянном движении, механическая аналогия имеет очевидные ограничения. Ее статичная в своей основе точка зрения не учитывает адаптивное обучение, которое происходит, когда агенты осваивают новые технологии, сотрудничают в новых организационных структурах, корректируют предпочтения в отношении новых товаров или улучшают качество существующих и становятся свидетелями устаревания имеющихся товаров. Динамические и эволюционирующие социально-экономические системы в основе своей формируются процессами обучения, побуждающими агентов ориентироваться в нововведениях, внедрять новое и приспосабливаться к не инкрементальным изменениям. Шумпетер утверждал, что Маркс заслуживает признания за наиболее полное понимание этой истины и за углубление нашего ее понимания.

«*Экономическая теория истории*». Маркс и Шумпетер были убеждены, что для того, чтобы эволюционные идеи и концепции нашли свое место в социальной теории, они должны гармонизировать с изучаемой социально-экономической сферой, органически вытекающей из ее материальных основ. Используемые концепции должны были быть разработаны *ab ovo* (с самого начала) и, по всей вероятности, лишь немного перекликаться с концепциями эволюционной биологии. Этот подход очевиден и у Маркса, и у Шумпетера. Интересно, что их социальные теории обнаруживают существенные параллели с теорией Смита. В частности, все три автора придерживались взглядов, согласно которым, по словам Маркса, «эволюция экономической формации общества рассматривается как процесс естественной истории» (Marx, 1954, p. 21). Этот процесс лучше всего был изучен, по крайней мере на начальном этапе, с помощью «экономической теории истории», которая рассматривала свойства социально-экономической системы, коренящиеся в ее «способе производства» и «производственных отношениях» между различными социальными классами. Шумпетер нашел этот метод весьма полезным при анализе исторических событий и использовал его разновидность в собственном анализе. Зачатки экономической теории истории можно обнаружить в исследовании Смитом последовательных общественных форм, каждая из которых характеризуется, среди прочего, различными системами прав собственности, механизмами экономической координации и схемами распределения между различными претендентами. Эта историческая траектория привела к созданию «коммерческого общества» времен Смита.

Однако эта востребованная социальная теория не ограничивалась простым выявлением отличительных черт общества на данной стадии развития. Необходимо было выяснить, порождает ли их эволюция силы внутри общества, которые с течением времени неизбежно вступают в конфликт с правящими элементами. Эти скрытые силы могут довольно долго оста-

ваться незамеченными и, по выражению Маркса, постепенно накапливаться «за спиной» агентов. Его точка зрения отражает концепцию непреднамеренных последствий человеческих действий, которую активно отстаивали Смит и другие сторонники шотландского Просвещения. Однако по мере обострения конфликта система будет трансформироваться постепенно или резко, в зависимости от обстоятельств, и выстраивать новый социально-экономический порядок или способ производства. Как подчеркивал Маркс (Marx, 1954, p. 21), общество «не есть твердый кристалл, но организм, способный изменяться и постоянно меняющийся». Понимание истоков, проявлений и результатов таких изменений — в частности, перехода от одного социального порядка к другому — составляло, пожалуй, самый важный и сложный аспект социальных теорий, который Смит, Маркс и Шумпетер старались разъяснить.

«Невидимая рука». Понятие «непреднамеренные последствия» часто понимается через метафору Смита о «невидимой руке», которая, по мнению многих, подразумевала, что «только эгоизм, и ничто другое, необходимо для достижения социально полезных результатов» (Schotter, 1985, p. 3). Такая интерпретация предполагает, что все непреднамеренные последствия неизменно приводят к выгоде хотя бы для некоторых, если не для всех, членов общества и никогда не приводят к вреду для кого-либо. Насколько мне известно, ни в одном из сочинений А. Смита нет подтверждений этой интерпретации. Ему ошибочно приписывают точку зрения, которую он решительно и последовательно отвергал. Подобную точку зрения скорее отстаивал Бернард Мандевиль, а Смит считал ее «почти во всех отношениях ошибочной» (Smith, 1976, VII.ii.d. 6; см. также: Kurz, 2016b, p. 28–29). Смит считал, что непреднамеренные последствия могут быть выгодными, нейтральными или вредными для общества. Их влияние можно оценить только для каждого конкретного случая, в зависимости от характера исследуемого общества. Он также предупреждал о существовании последствий, которые проявляются через некоторое время, что делает невозможным вынесение суждений о них в настоящий момент.

Однако основное утверждение Смита в этом контексте заключается в том, что результаты эгоистичного поведения благоприятны не из-за какого-то внутреннего совпадения между личными интересами и общим благом, а потому, что в *хорошо управляемом государстве* человеческие институты созданы для того, чтобы направлять эгоистические интересы в нужное русло — к выгоде всего сообщества. Он подчеркивает первостепенную роль государственных деятелей и законодателей в создании институтов и законов, которые обеспечат стимулы, способные побудить даже «плохих» людей действовать в интересах общего блага.

Маркс и Шумпетер внимательно изучали труды Смита, особенно его мысли о «цивилизационном процессе». Ни один из них не разделял

идею о том, что общее благо всегда достигается за счет эгоистичного индивидуального поведения. Смит и Шумпетер были убеждены, что этот процесс может вестись в различных направлениях, некоторые из них более или менее благоприятны, другие — более или менее проблематичны. Назвать их обоих «дарвинистами» было бы вполне оправданно, особенно если принять во внимание интерпретацию Майклом Рузом дарвиновской концепции эволюции как «ненаправленного процесса, довольно медленно идущего в никуда» (Ruse, 1988, p. 97), с акцентом на «ненаправленность». С Марксом сложнее: хотя он критически относился к точке зрения Герберта Спенсера и особенно к социальному дарвинизму, он, вслед за Гегелем, считал, что история в конечном итоге направлена на достижение бесклассового общества, и поэтому защищал телеологический взгляд на историю.

Шумпетер (Schumpeter, 1912, p. 89–90) отвергал всякие «поиски объективного смысла истории», основанные, по его убеждению, на «метафизических предрассудках», и критике он подвергал не только Георга Вильгельма Фридриха Гегеля: «К этой категории относится и вариант идеи развития, составляющий главный элемент учения Дарвина — по крайней мере, если этот взгляд на вещи применить к нашей области простым аналогичным способом». Получается, что Шумпетер видел недостатки в понимании эволюции Гербертом Спенсером, и, особенно в социальном дарвинизме.

«Беспокойная» система. Все три автора разделяли убеждение, что экономика, общество, политика и культура образуют единое целое, находящееся в постоянном движении, — систему, в которой изменения никогда не прекращаются. Действия людей имеют огромное количество последствий, как ожидаемых, так и непреднамеренных; из-за этого почти невозможно представить, что колеса социально-экономических изменений когда-либо остановятся. В последние годы своей жизни Шумпетер отошел от своего первоначального восхищения теорией общего равновесия Леона Вальраса, найдя понятие равновесия «бескровным». Он отмечал, что в своих «Элементах» Вальрас не рассматривал достаточно глубоко технологический прогресс, который, по мнению как Шумпетера, так и Маркса, был движущей силой капитализма.

Постоянное движение в системе выступает самоподдерживающимся: появляются технологические и организационные инновации для решения возникающих проблем, эти инновации часто порождают новые проблемы, которые выразятся только в будущем, ближайшем или отдаленном; для решения этих новых проблем разрабатываются дальнейшие инновации, и т. д. *ad infinitum*. Благодаря этому научно-технические достижения постепенно проникают в общество, служа основой его материальной эволюции. Задолго до появления концепции «общества знаний» Смит подчеркивал, что производительность и благосостояние об-

щества зависят от «количества науки» (Смит, 2007, с. 73), находящейся в его распоряжении.

Однако потребность в науке выходила за рамки технологий, производства и создания богатства. Существовала также задача сопровождения этого процесса, понимания его разнообразных проявлений и характеристик, анализа и прогнозирования его многочисленных последствий, особенно тех, которые могут оказаться пагубными для людей. Более того, наука сыграла важную роль в разработке стратегий по предотвращению или, по крайней мере, смягчению их неблагоприятного воздействия на общество. Смит считал, что политическая экономия должна играть здесь важнейшую роль.

Было бы неразумно ожидать, что профессиональные социологи смогут точно предсказать все последствия человеческих действий, ожидаемых или иных, но все же знания и опыт позволяют им очертить диапазон возможностей, в рамках которого те или иные последствия могут возникнуть. Этот потенциал позволяет им предлагать меры, направленные на предотвращение угроз и развитие благоприятных тенденций. Как будет показано в пятом разделе, некоторые непредвиденные последствия эволюции системы имеют масштабы, ставящие под угрозу непрерывность процесса цивилизации. Примечательно, что Смит предостерегал: чрезмерное разделение труда хотя и повышает производительные силы общества, одновременно может привести к исчезновению сложных навыков и способностей у рабочих, лишив их понимания даже самых элементарных аспектов общественного бытия. Это не только подрывает возможность защищать общество во время войны, но делает их глубоко непросвещенными.

Обратим вкратце внимание на то, как отдельные идеи и концепции Смита переключаются со взглядами Маркса и Шумпетера.

От Смита к Марксу и Шумпетеру. Все три мыслителя сходятся во мнении, что социально-экономическая эволюция в первую очередь процветает за счет «улучшений» и «инноваций». Инновации различаются по форме, масштабу и воздействию, в совокупности меняя не только экономическую часть системы, но всю систему целиком, включая социальную психологию, индивидуальные мотивации, культуру и политику. Они вызывают внутренние преобразования общества. Примечательно, что инновации не являются внешними элементами или элементами *deus ex machina*. Это неотъемлемые компоненты совместной эволюции экономики, общества и политики; они влияют на систему и сами подвергаются ее влиянию. Шумпетер отличается от Смита и Маркса тем, что он выделяет особую группу предпринимателей, отличительные черты которых и даже сущность характера состоит в том, что они наделены инновационным мастерством: они обладают тем, что мы могли бы для краткости назвать «инновационным геном».

Говоря о новых технологических открытиях, все трое используют комбинаторную метафору. Мы уже указывали на это в отношении Смита и Шумпетера. Подобным образом Маркс в третьем томе «Капитала» говорит о «новых машинах, новых и улучшенных методах работы, новых комбинациях» (Marx, 1959, p. 255). Шумпетер, который был самым внимательным исследователем работ Маркса, вполне мог обратить внимание на эту формулировку.

Все три мыслителя рассматривали конкуренцию как механизм отбора, который анализирует вновь созданные технологические устройства и решает, какие из них станут реальными инновациями и приобретут экономическое значение. Как сформулировал Маркс, «ни один капиталист никогда добровольно не будет вводить новый метод производства, пока он снижает норму прибыли — насколько бы он ни поднимал производительность труда и увеличивал норму прибавочной стоимости» (Marx, 1959, p. 264).

Более того, эти авторы подчеркивали роль конкуренции как фактора, придающего экономической системе структуру и последовательность, вынуждая фирмы принимать стратегии минимизации затрат. Подобно Смицу до него, Маркс ссылался на «принудительный закон конкуренции» (Marx, 1951, p. 257).

Взгляд Смита на цивилизацию и связанные с ней риски

Смит излучает оптимизм, утверждая, что при хорошем правительстве «игра человеческого общества будет идти легко и гармонично» и «весьма вероятно, будет счастливой и успешной» (Smith, 1976, p. 17). В этих обстоятельствах процесс цивилизации протекает плавно, направляя общество к идеалам «свободы, равенства и справедливости». Накопление капитала и углубление социального разделения труда запускают процесс циклической и кумулятивной причинно-следственной связи, со временем увеличивая производительность труда и доходы как суверена, так и гражданина, тем самым поднимая реальный доход на душу населения, который для Смита был критерием того, «народ оказывается лучше или хуже снабженным всеми необходимыми предметами и удобствами, в каких он нуждается» (Смит, 2007, с. 65).

Существуют, однако, многочисленные опасности, способные обратить вспять рост и развитие и вызвать экономический спад и нищету. Смит неоднократно предостерегает от предположения, что общество, однажды настроившееся на «естественный курс» развития, сохранит этот курс навсегда. Соответственно, бдительность жизненно необходима, даже в благополучные времена. В этом отношении эволюционная позиция Смита явно склоняется в сторону Дарвина, а не Спенсера. Для ясности полезно вспомнить об основных опасностях для общества, которые, если их не

устранить, могут отбросить его назад, к отсталому «ретроградному состоянию». К ним относятся:

- **неравный доступ к информации и знаниям.** Наряду с углублением социального разделения труда возрастает сложность социальных отношений, при этом значительной части населения, особенно рабочим, все труднее участвовать в общественной жизни и вообще понимать, что в ней происходит;
- **«несчастный дух монополии».** Торговцы и бизнесмены, как правило, постоянно добиваются привилегий или монопольного положения для своих предприятий, желательно под защитой властей. Это стремление грозит вернуть систему к мутным «меркантилистским» практикам;
- **неправильный политический отбор.** Неадекватный политический отбор может расширить возможности людей, не имеющих необходимых умственных, моральных и лидерских качеств, тем самым ставя под угрозу судьбу нации;
- **измененные стремления и мотивации.** По мере роста благосостояния образ мышления и мотивация людей меняются, разрушая важные добродетели из-за преобладания эгоистических коммерческих и гедонистических интересов. Этот сдвиг ставит под угрозу способность нации защитить себя в случае нападения со стороны соседей-«варваров».

Дифференцированная информация и знание. Смуту традиционно приписывают делению людей на «три великих категории» — землевладельцы, рабочие и капиталисты — на основе их контроля над различными производственными ресурсами, дающими соответствующие доходы: земля и рента, рабочая сила и заработная плата, капитал (реальный или финансовый) и прибыль или проценты. Однако эта классификация сопровождается весьма разным доступом этих трех категорий к информации и знаниям. Землевладельцы получают земельную ренту, которая «не стоит им труда и усилий, а приходит к ним как бы сам[а] собой и независимо от каких бы то ни было их собственных проектов и планов» (Смит, 2007, с. 281). Такое положение приводит к праздности и делает их «слишком часто не только несведущими, но и неспособными к той умственной деятельности, которая необходима для того, чтобы предвидеть и понять возможные последствия той или иной меры регулирования» (Смит, 2007, с. 281).

Ситуация становится еще хуже, когда мы переходим к людям второй группы — рабочим, которые составляют, безусловно, самую большую часть общества. Состояние рабочего «не оставля[ет] ему времени для того, чтобы приобретать необходимые сведения, а его образование и привычки обыкновенно таковы, что делают его совсем неспособным к правильному суждению, даже если бы он обладал всей полнотой сведений» (Смит, 2007, с. 281). В результате работник всегда уязвим для манипуляций. Смит от-

мечал, что «при общественном обсуждении вопросов его голос слабо слышен, на него обращают мало внимания, исключая особые случаи, когда его требования достаточно громки, настойчивы и поддерживаются предпринимателями в их собственных целях» (Смит, 2007, с. 281).

Люди, наиболее информированные в экономических и политических вопросах, — это купцы и фабриканты, «в течение всей своей жизни они разрабатывают всяческие планы и проекты» и поэтому «часто отличаются большей сообразительностью и пониманием», чем остальные члены общества (Смит, 2007, с. 282). Обладая «лучш[им] понимани[ем] своих интересов» (Смит, 2007, с. 282), эти люди, с одной стороны, способствуют экономическому динамизму. Однако их эгоизм может нанести ущерб интересам других классов и общества в целом. Что касается конкретно «дилеров» и посредников на рынках, Смит констатирует:

«Между тем интересы представителей той или иной отрасли торговли или промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им. Расширение рынка и ограничение конкуренции всегда отвечают интересу торговцев... [таким образом] может давать торговцем путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную подать с остальных своих сограждан» (Смит, 2007, с. 282).

Смит продолжает: «К предложению об издании какого-либо нового закона или регулирующих правил, относящихся к торговле, которое исходит от этого класса, надо всегда относиться с величайшей осторожностью, его следует принимать только после продолжительного и всестороннего рассмотрения с чрезвычайно тщательным, но и чрезвычайно подозрительным вниманием. Оно ведь исходит от того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение и угнетал» (Смит, 2007, с. 282).

Люди, обладающие большим количеством информации и лучшим пониманием, часто используют это преимущество в ущерб интересам других членов общества, включая покупателей, потребителей и работников. Это явление, которое сейчас называют «моральным риском», подчеркивает потенциальные риски, присущие такому неравенству.

Умственное и моральное обнищание — побочный продукт общественного разделения труда. Смит глубоко убежден, что углубление социального разделения труда приводит к усложнению социально-экономической структуры, а это, в свою очередь, усугубляет неравенство в получении информации, знаниях и понимании, от которого страдает рабочий класс. Уяз-

вимость этих классов к обману подрывает долгосрочную стабильность общества. Однако, как подчеркнул Смит, существуют дополнительные опасности, которые следует учитывать:

«С развитием разделения труда занятие подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей необходимо складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человек, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни и те же или почти одни и те же, не имеет случая или необходимости изощрять свои умственные способности или упражнять свою сообразительность для придумывания способов устранять трудности, которые никогда ему не встречаются. Он поэтому, естественно, утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится таким тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо» (Смит, 2007, с. 722).

Он продолжает: «Его умственная тупость делает его не только неспособным находить удовольствие или участвовать в сколько-нибудь разумной беседе, но и понимать какое бы то ни было благородное, великодушное или нежное чувство, а следовательно, и составлять сколько-нибудь правильное суждение относительно многих, даже обычных обязанностей частной жизни. О великих и общих интересах своей страны он вообще не способен судить, и, если не прилагаются чрезвычайные усилия, чтобы повлиять на него, он оказывается столь же неспособным защищать свою страну во время войны» (Смит, 2007, с. 722).

С чувством тревоги Смит заключает: «Его ловкость и умение в его специальной профессии представляются, таким образом, приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. *Но в каждом развитом цивилизованном обществе в такое именно состояние должны впасть трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа, если только правительство не прилагает усилий для предотвращения этого*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 722).

Смит подчеркивает серьезную угрозу цивилизационному процессу, возникающую из-за снижения умственного и морального благополучия большинства населения. Кроме того, эта опасность усугубляется возможностью событий, на которые намекают упоминания об упадке боевых качеств.

Как широко известно, Смит выступает за обязательное начальное образование для детей из низших классов (Смит, 2007, с. 723–727; см. также:

Holler, 2007). Однако, оглядываясь назад, можно задаться вопросом, был ли этот тип образования достаточным, чтобы трудящиеся бедняки получили способность понимать не только «многих, даже обычных обязанностей частной жизни», но и «велики[e] и общи[e] интерес[ы] своей страны».

Взгляды Смита по этому вопросу определялись современной ему преобладающей тенденцией, когда технологический прогресс в первую очередь приводил к снижению квалификации, и эта тенденция проецировалась на будущее. Позже Маркс выразил ту же идею в своей теории пауперизации и отчуждения рабочего класса. Оба отмечали устаревание ценного человеческого капитала, которым обладают квалифицированные ремесленники, вследствие применения машин; в результате труд взрослых стал заменяться более дешевым детским трудом. Однако некоторые из более поздних форм технического прогресса изменили эту тенденцию, в значительной степени полагаясь на различные формы человеческого капитала и несколько смягчив проблему, которая тревожила Смита и Маркса.

Несчастный дух монополии. Как известно, Смит считает, что монополии наносят ущерб эффективному управлению (Смит, 2007, с. 191). По сути, он имеет в виду два типа монополий: монополии, разрешенные и созданные правительством (например, Ост-Индская компания), и монополии, возникшие в результате сговора между предприятиями, направленного на уклонение от конкуренции. Смит признает, что этот дух монополии невозможно искоренить навсегда и что он представляет собой постоянную угрозу обществу. Он утверждает, что практика сговора между фирмами является «естественным» положением дел, позволяющим бенефициарам получать дополнительную прибыль.

«Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и умышленно не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары, намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы — состоят ли они в заработной плате или прибыли — значительно выше их естественной нормы» (Смит, 2007, с. 115).

Инвестиции в получение привилегий со стороны органов государственной власти могут быть более прибыльными, чем инвестиции в улучшения и инновации. Монополии, по мнению Смита, представляют собой «единственн[ое] оружи[e] мекрантилистской системы» (Смит, 2007, с. 598), обычно поддерживаемый несправедливыми и жестокими законами (см.: Смит, 2007, с. 612). Их существование предполагает коллаборацию торговцев, производителей и вообще всех, занимающихся бизнесом, с одной стороны, и законодателей и государственных служащих, — с другой,

и, таким образом, указывает на тесно связанную с ними опасность, угрожающую процессу цивилизации: коррупцию.

Кроме того, существует нестабильность банковской системы, особенно в режиме бумажных денег. Если бы соответствующие наблюдения Смита были учтены в экономике и политике, это могло бы спасти мир если не от повторяющихся финансовых кризисов, то, по крайней мере, от их высокой интенсивности (см.: Kurz, 2016a, раздел 6).

Внутренняя нестабильность банковской системы. Смит подчеркивает, что финансовые и денежные рынки в корне отличаются от товарных рынков. В последнем случае рыночная цена, поднимаясь выше своего естественного уровня, позволяет получать прибыль сверх нормы и, возможно, значительно более высокую заработную плату. Это в свою очередь, будет привлекать капитал и рабочую силу, вести к расширению выпуска и оказывать сдерживающее воздействие на рыночную цену. Тогда как рост цены финансового актива может увеличить спрос на актив в надежде и ожидании дальнейшего роста его цены. «Заразительность» и стадное поведение могут оправдывать ожидания, часто приводя к образованию финансовых пузырей, которые рано или поздно лопаются. Банковская сфера, настаивал Смит, особенно подвержена нестабильности и может даже привести к кризису всей экономики. Эмпирическим фоном отрезвляющего суждения Смита послужили банкротства банков в Шотландии и, прежде всего, события, связанные с Банком Франции и «пузырем Миссисипи» (см. ниже). Эти выявленные Смитом явления, сегодня известны как асимметричная информация, моральный риск и неблагоприятный отбор. На основании исторического опыта и своих теоретических объяснений, он пришел к выводу, что банковская торговля остро нуждается в регулировании. Поскольку умные и эгоистичные люди всегда будут пытаться обойти существующие правила с помощью финансовых инноваций, регулирование торговли является чрезвычайно сложной задачей, которой нужно заниматься постоянно. Он также видел, что некоторые законы и постановления сами по себе могут вызвать проблемы. Хотя его внимание было в первую очередь сосредоточено на системных рисках, влияющих на экономику в целом, существовали также проблемы, касающиеся отдельных групп, особенно с низкими доходами и статусом. Например, разрешение выпуска банкнот на очень небольшие суммы может казаться выгодным для «бедных людей», однако на самом деле верно обратное: такие банкноты могут привести этих людей к «большим бедствиям» (Смит, 2007, с. 332) — не в последнюю очередь потому, что возможность стать банкирами привлекает «подлых людей». Регулирование этой области, будучи абсолютно необходимым, является чрезвычайно сложной задачей.

Люди, приходящие в финансовый сектор, обычно готовы идти на большой риск, зная, что в случае неудачи возможные потери, вызванные их решениями, лягут на плечи других. Смит приветствовал введение бумажных

денег, поскольку они позволяли заменить золото и серебро материалом, затраты на производство которого были близки к нулю и поэтому были сравнимы с «техническим усовершенствованием» в производстве (Смит, 2007, с. 308). Однако в то время как драгоценные металлы напоминали «шоссе», по которому транспортируются товары, бумажные деньги создавали как бы «путь по воздуху», и в результате торговля и промышленность подвешивались на «дедаловских крыльях бумажных денег» (Смит, 2007, с. 330). Франция дала показательный пример связанных с этим опасностей. Герцог Орлеанский, регент Франции, частично следуя планам «великолепного, но мечтательного» Джона Лоу (Смит, 2007, с. 327), ввел бумажные деньги, чтобы уменьшить огромный долг, накопленный королем Франции. В результате Франция оказалась на грани краха. Герцог проигнорировал заповедь о том, что во избежание огромных рисков использование бумажных денег должно идти на основе «рациональной» и «осмотрительной» (prudent) банковской деятельности (Смит, 2007, с. 327, 334). Интересный факт: термин «prudent», ставший очень популярным после финансового кризиса 2008 г., Смит использовал четыре раза в одном абзаце!

Однако даже если бы все банкиры оказались людьми квалифицированными и «обладающими безупречным кредитом» (Смит, 2007, с. 333), это не избавило бы систему от всех опасностей. Смит утверждал, что рискованность проекта имеет обыкновение возрастать вместе с его ожидаемой прибыльностью. Во времена Смита игнорирование этой закономерности также приводило к «иррациональному оптимизму» (Алан Гринспен), как и сегодня. Смит предупреждал, что в условиях быстрого роста банковской торговли знания банкиров о надежности их должников практически исчезают — и тогда они склонны давать деньги «фантастически[м] прожектёр[ам],... затрачивающи[м] получаемые деньги на нелепые предприятия, которые, даже при всей помощи, какая может быть оказана им, они, вероятно, никогда не будут в состоянии выполнить [обязательства] и которые, даже будучи доведены до конца, никогда не смогут вернуть суммы, в действительности затраченные на них» (Смит, 2007, с. 327)

Прожектёры, подчеркнул Смит, готовы предложить банкам более высокие процентные ставки, тем самым вытесняя «осторожных и бережливых должников», которые инвестируют в предприятия «менее грандиозные и заманчивые, но зато более солидные и прибыльные» (Смит, 2007, с. 327). Поэтому можно ожидать, что банки выберут первое, а не второе, и в результате получится отрицательный отбор. Тогда растущая часть капитала страны будет распределяться «из благоразумных и прибыльных предприятий в предприятия неразумные и невыгодные» (Смит, 2007, с. 327).

Таким образом, существовали веские причины для регулирования банковского дела. Смит замечает:

«А такое регулирование, без сомнения, может быть, в некоторых отношениях рассматриваемо как подавление естественной свободы. Но такие проявления естественной свободы немногих отдельных лиц, *которые могут подвергать опасности благополучие всего общества*, ограничиваются и должны ограничиваться законами всех правительств... Обязательство возводить брандмауэры между домами, чтобы предотвратить распространение пожаров, представляет собою нарушение естественной свободы совершенно того же характера, как и регулирование банковских операций, предложенное здесь» (Курсив мой. — *Авт.*) (Смит, 2007, с. 333).

Если «естественная свобода немногих людей» ставит под угрозу «безопасность всего общества», вопрос не в том, нужно ли регулировать банковскую деятельность, а в том, какие правила будут эффективно защищать общество, при этом оставляя место для преследования собственных интересов и позволяя банкам предоставлять для этого финансовые средства.

Справятся ли политики с поставленными задачами? Вышеизложенные соображения (а также представленные в следующем подразделе) неоднократно привлекали внимание к решающей роли государственных деятелей и законодателей в преодолении опасностей, с которыми сталкивается цивилизационный процесс. От их ответов во многом будет зависеть, останется ли общество в «прогрессивном», «регрессивном» или «застойном» состоянии или перейдет от одного к другому, на пользу или во вред себе. Но можно ли ожидать от политиков, что они справятся со сложными задачами? Если ответ отрицательный, то как может политика реформ, призванная исправить искажения меркантилизма, когда-либо добиться успеха, и, что еще более важно, как можно защитить общество от опасностей, изложенных здесь?

В *«Теории нравственных чувств»* (особенно см.: Smith, 1976, VI.ii) и других работах Смит указывает строгие требования, которым в идеале должен был бы соответствовать государственный деятель. К ним относятся солидные знания в различных областях, включая историю, право и политическую экономию, а также быстрота восприятия, способность трезвого суждения и, в особенности, ряд важных нравственных добродетелей. Когда Смицу доверили обучение молодого герцога Баклю во время его гранд-тура по континентальной Европе в 1764 г., от него ожидали, что он будет давать ему наставления именно в этих вопросах, чем и подготовит юношу к политической карьере (от которой, впрочем, тот позднее отказался).

За немногочисленными исключениями — некоторые из них были упомянуты выше — Смит без особого оптимизма смотрел на способность большинства политиков, населяющих мир, решать стоящие перед ними задачи. В *«Лекциях по юриспруденции»* он отмечал, что они «отнюдь не являются образцом добросовестности и пунктуальности» (Smith, 1978,

р. 327), а в «Богатстве народов» характеризовал их как «коварных и хитрых созданий» (Смит, 2007, с. 454).

Увы, нам предстоит упомянуть о еще более серьезной проблеме, связанной с цивилизацией. Она возникает в результате неравномерного развития внутри народов и между ними: во-первых, в ходе совместной эволюции экономики, общества, культуры и политики одни элементы более ранних стадий развития или способов производства приходят в упадок, в то время как другие находятся на подъеме; во-вторых, разные страны имеют различную скорость и характер развития в указанных направлениях. Такая неравномерность развития внутри стран и между ними может быть источником всеобщего напряжения и конфликтов, которые в конце концов могут вылиться в войны и положить конец процессу цивилизации.

«Способность к обороне гораздо важнее богатства». В пятой книге «Богатства народов» Смит определяет как первую обязанность суверена его долг защищать общество «от насилия и посягательства со стороны других независимых обществ», который «может быть выполнен[] только посредством военной силы». И добавляет: «Однако расходы как на подготовку военной силы в мирное время, так и на использование ее во время войны *весьма различны в разных состояниях общества, в разные периоды его развития*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 651). Более конкретно, он опасается, что в «Веке коммерции» (Smith, 1978, р. 27), четвертом общественном состоянии, через которое предстоит пройти человечеству, особенно проявляются две антагонистические тенденции: с одной стороны, рост реальных доходов на душу населения, никогда прежде не наблюдавшийся в истории, с другой стороны, снижение «боевого духа» и воинских добродетелей. В «Лекциях по юриспруденции» мы читаем: «Когда страна достигает определенной степени совершенства и утонченности, она становится менее готовой к войне» (Smith, 1978, р. 37). Этот факт не остается незамеченным менее богатыми завистливыми соседями — Смит говорит также о «варварских» народах, которые все еще обладают значительной и превосходящей военной мощью. Благополучие богатого народа, настаивает Смит, всегда «вызывает нападения соседних народов. Благодаря своей промышленности богатый народ является для других народов наиболее желанным объектом нападения; и если только государство не предпринимает новых мер для общественной защиты, естественные привычки народа сделают его совсем неспособным к собственной защите» (Смит, 2007, с. 656).

По сути, есть три пути к богатству и процветанию: i) путем завоевания других стран, грабежа и уплаты дани поработенными народами; ii) путем торговли и выгодного обмена; и iii) за счет использования и развития промышленности и трудолюбия производительных работников посредством углубления общественного разделения труда, которое повышает производительность труда. Исторически маршрут i) являлся особенно важным

на ранних этапах развития, однако позднее, в торговый период, он был заменен маршрутом ii) и, в конечном итоге, маршрутом iii) во времена Смита. Повторение маршрута i) в наше время может показаться на первый взгляд атавистическим и трудным для оправдания, но, по мнению Смита, это не так.

С развитием экономики и ростом уровня доходов высшим слоям общества стал доступен новый и привлекательный вариант. Если в феодальные времена честь и общественная репутация могли быть завоеваны почти исключительно героическим поведением на поле боя, и поэтому военная служба считалась благороднейшим долгом отпрысков знати, то теперь успешная экономическая деятельность стала предлагать заманчивые альтернативы. Соответственно, полагает Смит, «богатым стало некомфортно идти на войну *из-за алчности*... Купец, который может заработать 2 или 3000 фунтов стерлингов дома, вряд ли захочет идти на войну, тогда как для древнего рыцаря, которому больше нечего было делать, война являлась в некотором роде развлечением». Он продолжает:

«Когда улучшение искусств и производств превратилось в задачу, заслуживающую внимания высших слоев, защита государства, естественно, стала делом низших, потому что богатых никогда нельзя принудить делать что-либо, кроме того, что им нравится. ... Когда искусство и торговля... становятся очень прибыльными, защита государства становится самым низким делом. Таково наше нынешнее положение в Великобритании» (Smith, 1978, p. 335–336).

Коммерция, настаивает Смит, имеет не только хорошие, но и «плохие» последствия. Особенно плохим является то, что «она снижает мужество человечества и имеет тенденцию подавлять боевой дух» (Smith, 1978, p. 331). Она также поощряет гедонизм: «Поскольку их умы постоянно заняты искусством роскоши, [люди] становятся женоподобными и подлыми» (Smith, 1978, p. 331). Эта перемена в устремлениях и образе жизни высших слоев общества, а также склонность низших слоев подражать им приводят к уменьшению способности цивилизованных наций защищать себя.

Смит призывает «мудрость государства» (Смит, 2007, с. 656) предпринимать необходимые оборонительные усилия для защиты общества, что требует содержания и постоянной модернизации достаточно большой и хорошо оснащенной регулярной армии. В этом отношении Смит следует максиме, которую он выдвинул в книге IV «Богатства народов»: «Оборона страны гораздо важнее, чем богатство» (Смит, 2007, с. 451). Можно сказать, что это одно из самых важных его утверждений. Смит утверждает, что государство играет решающую роль для продолжения процесса цивилизации. Если же цивилизованные страны не смогут в достаточной степени увеличить свою военную мощь, чтобы сдерживать потенциальных захватчиков или иметь преимущество в случае военного конфликта, этот

процесс закончится и обратится вспять. «Система естественной свободы» находится в опасности, ибо она может пасть жертвой тенденций, которые, по иронии судьбы, сама же и породила. Процесу цивилизации угрожает опасность, находящаяся внутри него.

Как предотвратить эту опасность и защитить коллективное благо: целостность и суверенитет страны и ее жителей? Поскольку отдельные индивидуумы не желают и не способны защищать коллективное благо, вступать в дело приходится сообществу в целом и его политическим представителям. В отличие от гражданской сферы, в которой разделение труда является результатом работы «невидимой руки», которая в хорошо управляемом обществе эффективно использует рассудительность, благоразумие и личные интересы, в военной сфере необходима видимая рука государства. Смит поясняет:

«В других искусствах разделение труда, естественно, вводится благоразумием отдельных лиц, понимающих, что они лучше достигнут удовлетворения своих личных интересов, занимаясь одним каким-нибудь промыслом, чем несколькими. Но только благоразумие государства может сделать ремесло солдата отдельным ремеслом, отличным от всех других» (Смит, 2007, с. 655–656).

Он продолжает: «Отдельный гражданин, который во время глубокого мира и без каких-либо поощрений со стороны общества был бы в состоянии проводить большую часть своего времени в военных упражнениях, без сомнения, мог бы очень хорошо как усовершенствоваться в них, так и получить от них удовольствие; но, конечно, этим он не удовлетворил бы своих интересов. Только мудрость государства может дать ему возможность в интересах последнего предаваться этому специальному занятию, но *государства не всегда имеют эту мудрость, даже когда обстоятельства, в которых они находятся, требуют для сохранения их существования, чтобы они обладали этой мудростью*» (Курсив мой. — Авт.) (Смит, 2007, с. 656).

Здесь нет необходимости вдаваться в более подробное обсуждение увлекательных доводов Смита. Достаточно упомянуть, что он решительно выступает за создание хорошо обученной и оснащенной профессиональной армии и ее сохранение даже в мирное время. Однако, поскольку редко бывает преимущество, которое не влечет за собой и некоторый недостаток, он предлагает, среди прочего, дополнить постоянную армию ополчением, сформированным из граждан, чья главная задача состоит в том, чтобы удержать армию от военного переворота.

Могут ли эти и некоторые дополнительные меры гарантировать продолжение процесса цивилизации? Когда я читаю Смита, вижу, что он не был уверен в долгосрочной перспективе. Он полагал, однако, что «недавно»

на помощь пришла «простая случайность»: изобретение пороха и огнестрельного оружия и «переворо[т], произведенн[ый] в военном искусстве» (Смит, 2007, с. 664). Это оружие, утверждал он, варварские народы не смогут себе позволить, поскольку оно очень дорогое. Следовательно, «в новое время бедным и варварским народам трудно защищаться от народов богатых и цивилизованных» (Смит, 2007, с. 665). Впрочем, его вывод напоминает «свист в темноте», чтобы рассеять страх: такое развитие событий, как он полагает, «на самом деле благоприятно для сохранения и распространения цивилизации» (Смит, 2007, с. 665). По-видимому, он убежден, что богатые страны, обладающие превосходным вооружением, не будут использовать его против бедных соседей, поскольку гедонистические и хрематистические установки окажутся эффективным барьером для империалистических действий. Но что если технологический прогресс в конечном итоге удешевит передовое вооружение и сделает его доступным для менее богатых стран?

Хотя соответствующая аргументация Смита не вполне последовательна, а история не всегда подтверждает выводы, которые он из нее извлек, он обратил внимание на тесно переплетающиеся внутренние и международные тенденции, которые замечательным образом отражают его поразительно глубокое эволюционное понимание сложных явлений.

Заключительное замечание

В заключение мы можем задаться вопросом, является ли «простая случайность» Смита на самом деле овеществлением того, что он в «Теории моральных чувств» назвал «планом проведения». Там мы читаем: «Счастье человечества, как и всех других разумных существ, кажется, было первоначальной целью, поставленной Создателем Природы, когда он создал их» (Smith, 1976, vol. III, p. 7). А в другом отрывке он придает своему деизму почти спенсеровский эволюционный оттенок: «Природа... кажется... задумала счастье и совершенство вида» (Smith, 1976, vol. II, p. 2). Если бы у человечества действительно была причина полагаться на «Природу» и ее «Автора», все было бы хорошо, и политики не смогли бы взорвать планету. Соответствующие рассуждения Смита напоминают оптимистическую веру Уилкинса Микобера в романе Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд» в то, что «что-то появится». Пусть будущее докажет правоту Смита!

Список литературы

- Смит, А. (2007). *Исследование о природе и причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Coase, R. H. (1976). Adam Smith's View of Man. *Journal of Law and Economics*, 19(3), 529–546. <https://doi.org/10.1086/466886>
- Dopfer, K. (2016). Evolutionary Economics. In G. Faccarello, H. D. Kurz (Eds.), *Handbook on the History of Economic Analysis*, vol. III: *Developments in Major Fields of Economics* (p. 175–193), Edward Elgar Publishing.

- Holler, M. J. (2007). Adam Smith's Model of Man and Some of its Consequences. *SSRN Electronic Journal*, 23(3/4), 467–488. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.964433>
- Kurz, H. D. (2016a). Adam Smith on Markets, Competition and Violations of Natural Liberty. *Cambridge Journal of Economics*, 40(2), 615–638. <https://doi.org/10.1093/cje/bev011>
- Kurz, H. D. (2016b). *Economic Thought: A Brief History*. New York: Columbia University Press.
- Kurz, H. D. (2023). Joseph A. Schumpeter — One of the Founders of Evolutionary Economics. In: K. Dopfer et al. (Eds.), *Routledge Handbook of Evolutionary Economics*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429398971>
- Lorenz, H.-W. (2020). Der Darwinismus in der Nationalökonomik. In: P. Spahn (Ed.), *Von Marx & Engels zu Nelson & Winter (und darüber hinaus)* (p. 1–53). Duncker & Humblot.
- Marshall, A. (1961). *Principles of Economics*. 8th ed. Variorum Edition. Macmillan.
- Marx, K. (1954). *Capital*, vol. I. London: Lawrence and Wishart. First published in German in 1867.
- Marx, K. (1959). *Capital*, vol. III. London: Lawrence and Wishart. Edited by F. Engels. First published in German in 1894.
- Mizuta, H. (ed.) (2000). *Adam Smith's Library. A Catalogue*. Clarendon Press.
- Ruse, M. (1988). Molecules to Men: Evolutionary Biology and Thoughts of Progress. In M. H. H. Nitecki (ed.), *Evolutionary Progress*. Chicago University Press.
- Schotter, A. (1985). *Free Market Economics: A Critical Appraisal*. Blackwell.
- Schumpeter, J. A. (1912). *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Duncker and Humblot.
- Scott, W. R. (1937). *Adam Smith as Student and Professor*. Glasgow. New issue of the 1937 edition. Augustus M. Kelley.
- Smith, A. (1987). Correspondence. In: E. C. Mossner, I. S. Ross (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 6). 2nd ed. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198285700.book.1>
- Smith, A. (1980). Essays on Philosophical Subjects. In: W. P. D. Wightman, J. Bryce, I. Ross (Eds.). *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 5). Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281870.book.1>
- Smith, A. (1976). The theory of moral sentiments. In D. D. Raphael, A. Macfie (Eds.) *The Glasgow Edition of the Works and Correspondence of Adam Smith* (Vol. 1). Glasgow University Press. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198281894.book.1>
- Sraffa, P. (1960). *Production of Commodities by Means of Commodities*. Cambridge University Press.
- Young, A. (1928). Increasing Returns and Economic Progress. *Economic Journal*, 38(152), 527–542. <http://dx.doi.org/10.2307/2224097>

References

- Smith, A. (2007). *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. M.: Eksmo.